

В Саратове представлена полная палитра новой музыки

Автор фото - Кристина Никитина

28 декабря в рамках проекта «Шнитке/SCHNITTKE» в Радищевском музее состоялся концерт «Театра новой музыки». Коллектив под управлением молодого композитора Владимира Орлова работает в Саратове уже почти пять лет. Тем не менее, восхищенная публика расспрашивала, откуда музыканты и где можно будет их еще услышать. После концерта артисты рассказали, с чего все начиналось, во что

вылилось и где реализуются их проекты.

Как родилась идея организации ансамбля?

Орлов: Идея родилась в 2010 году, когда я заканчивал консерваторию. Мне давно было известно о существовании ансамблей новой музыки в Москве, Санкт-Петербурге и было обидно, что нет подобного коллектива в Саратове. Кроме того, когда я учился на V курсе консерватории, у нас был предмет «арт-менеджмент» и нужно было писать арт-проект. Идея появления ансамбля «Театр новой музыки» стала основой арт-проекта. Миссию ансамбля мы определили, как исполнение новых академических произведений или незаслуженно забытых произведений прошлого.

А почему именно «Театр...»?

Орлов: Поначалу это было просто красивое название. Начинали с Димой Сундыревым, композитором и балалаечником, но потом состав менялся. Единственный, кто остался со времени основания – наш контрабасист-виртуоз Антон Пушкин. Может быть, театра и не получилось бы... но пришел Василий Игонин и заявил: «Музыка есть, новое тоже есть, а где театр»? Мы с ним придумали новую концепцию концерта. О том, что академические концерты требуют новой формы, много говорят, как и о других видах академического искусства. Мы попытались воплотить это в жизнь. Кстати, новый пианист Василий Игонин оказался не только исполнителем и сценаристом. Он еще и музыку пишет. И сегодня было исполнено одно из его произведений.

Расскажите о вашей находке – новой форме концерта.

Игонин: мы сделали цикл концертов в форме спектаклей, где сами играли главных персонажей. Володя «изображал» застрявшего на сто лет в трудах над машиной времени профессора Влориди, который не знал музыки XX века, а я – маэстро Вигансо, который его с новой музыкой знакомил. Для публики этот эксперимент был интересным, потому что мы не просто исполняли музыку, но и рассказывали о ее содержании, о новых композиторских техниках, даже спорили о путях ее развития. Кстати, в прошлом году мы участвовали в ежегодном конкурсе «Телеком-Хит» и взяли первый приз от радиостанции «Орфей» в номинации «Классика жанра». Такую высокую оценку жюри мы получили именно за новую форму презентации академической музыки.

Зал привлекаете к обсуждениям?

Игонин: по-разному бывает. Иногда говорим только сами, иногда привлекаем зал. Причем, порой споры бывают настолько жаркими, что и после концерта продолжают в гостевой книге на нашем сайте. А вообще, мы постоянно экспериментируем с формой. У нас были концерты с элементами импровизации. Например, во время исполнения «In C» Терри Райли художница Анастасия Золотова рисовала песком на стекле, и все это транслировалось на большой экран. Было исполнение пьес Ильи Карпикова «Пять картин марка Шагала», написанное под впечатлением от великих полотен. Мы играли музыку и показывали те самые картины на экране, чтобы зрителю было понятнее, что именно видел композитор, чем вдохновлялся. Был даже эксперимент в прошлом году, когда мы собрали художников, композиторов и поэтов в один концерт.

Даже интересно, что из этого получилось. Недавно столкнулась с таким мнением, что XXI век, к сожалению, не предназначен для поэзии. И высказала это ни кто иная, как доктор филологических наук и профессор кафедры истории философии РУДН Мадина Тлостанова. Судя по вашему эксперименту с поэтами, у вас другое мнение.

Орлов: да, мы не думаем, что с поэтами все так плохо. Они есть, и есть очень талантливые ребята. Другое дело, что они стали собираться довольно узким кругом, читая для себя.

О том и речь. Это проблема всего академического искусства сегодня – как поэтов, так и художников, и музыкантов. Пишем и исполняем для себя. Как решаете эту проблему?

Игонин: На наших концертах всегда полный зал. Прежде всего, мы стараемся найти нестандартные решения подачи музыкального материала. Наши эксперименты интересны публике и нам самим. Мы ведем серьезную просветительскую работу. Причем, делаем это в такой доступной форме, что понятно даже детям.

К слову о музыке. Владимир, как относишься к игре ансамбля? Исполняют так, как ты «услышал» или что-то нервирует в исполнении?

Орлов: я свободно отношусь к тому, как играют. Чаще всего звучит именно так, как я «услышал», потому что в нотах я всегда стараюсь детально прописывать что и как нужно исполнять. Но иногда мне интересно услышать другую исполнительскую интерпретацию, отличную от моего замысла, что тоже бывает.

Игонин: Рахманинова как-то спросили: «Интересно ли Вам слушать, как другие интерпретируют Ваши сочинения?». Он ответил: «Да, и чем более расходится исполнитель с моей интерпретацией, тем мне интересней». Мы ведь не можем спросить Баха или Моцарта о том, как должна быть исполнена их музыка. Исполнитель всегда соавтор.

А к программной музыке как относитесь? В авангарде ведь многие писали аннотации, чтобы зрителю было понятнее.

Орлов: скептически отношусь. Программность – довольно условное явление. Какую литературную программу ни напиши, абстрактность музыки все равно сохранится. И поэтому у каждого слушателя возникнут свои образы при прослушивании произведения.

Расскажите о ближайших концертах.

Самое близкое во времени – концерт «Театр новой музыки – детям», который запланирован на 27 февраля. Пройдет он в Театральном зале консерватории. В наступающем году мы отмечаем свой первый юбилей. Пять лет коллективу исполнится третьего мая, а четвертого состоится праздничный концерт.

Что пожелаете саратовцам в преддверии новогодних праздников?

Орлов: пожелаю гармонии, благополучия, здоровья.

Игонин: а я хотел бы пожелать каждому обрести Свет внутри себя, чтобы светить вокруг, тогда темнота рассеется!

Источник: <http://riasar.ru/online/30753>